

Р 173751.

М. ШКАПСКАЯ

ЗА ЖИЗНЬ БОЙЦА

Огиз • Госполитиздат • 1941

тот день в шесть часов утра не было, должно быть, ни одного человека в Москве и во всем Союзе, который бы спал. Затаив дыхание, стояли все у рупоров громкоговорителей и старались не проронить ни одного слова из того, что говорил своему народу, своим братьям и сестрам товарищ Сталин.

Каждое слово западало в сердце. Каждое слово звало к действию.

«...Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад...»

«...Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии...»

«...Мы должны укрепить тыл Красной Армии...»

И каждый оглядывался вокруг себя, проверяя, все ли он сделал для того, чтобы ответить на этот призыв. Может быть, можно сделать еще что-то? Сделать больше? Лучше? Новое?

Тысячи людей бросились на пункты записи добровольцев. Тысячи девушек записались сестрами. Четким шагом, полные воодушевления, шли на пункты призванные, а на их место у станков становились жены, сестры, матери. Рабочие удваивают, утраивают, удесятеряют свою выработку.

Но и этого мало. Надо сделать еще что-то личное, свое.

В этот день в белом доме на одном из бульваров Москвы, куда вообще с самого начала войны упорно шли люди, творилось нечто необычайное. Народ стекался сюда

толпами. Во дворе, перед столами, в коридорах выстраивались очереди. Больше всего было девушки и вообще цветущей, загорелой московской молодежи, в разноцветных легких платьях и сарафанах, в тапочках и носочках—такая легкая, нарядная летняя очередь. Среди нее тонули серьезные лица пожилых мужчин и женщин. Такие молодые очереди зимой выстраивались за билетами в Художественный театр на «Анну Каренину».

Но эта очередь была необычайна. У этих столов и окончек ничего не выдавали. Наоборот—очередь выстроилась, чтобы давать: это пришли в Центральный институт переливания крови добровольные доноры—отдать свою горячую живую кровь для Красной Армии, для возмещения той, которая льется на фронте, для того чтобы спасти и вновь поставить в боевые ряды тысячи бойцов.

Переливание крови—могущественнейшее средство в наших руках. Врач института Логинова, уже работавшая в военных условиях на финском фронте, так рассказывает про одного из своих пациентов:

«Это был летчик. Он бомбил военные объекты неприятеля. Почти вся задача была выполнена, оставался один последний объект, когда ему навстречу с земли поднялись три вражеских самолета. Задача усложнилась: он должен был попрежнему точно и методично сбрасывать бомбы на цель, но помимо этого ему нужно было еще бороться с самолетами. Да еще с самого начала схватки он был ранен в плечо. Сама по себе рана не опасная, но там находятся крупные сосуды, открылось бурное кровотечение. А напряжение было слишком велико—и нервное и физическое, кровь струилась непрерывно, он терял силы с каждой ее каплей.

Несмотря на все это, летчик закончил свою работу и благополучно приземлился. Но сняли его с самолета в глубоком обморожке. Это был явно умирающий—почти без пульса, синие губы, полупотухшие глаза, мертвенная бледность.

Его привезли в госпиталь. Обработав рану, мы немедленно перелили ему три стакана консервированной, доставленной из тыла крови. И герой-летчик ожил у нас на глазах. Порозовели губы, открылись глаза, он заговорил. Мы едва выдержали его в постели полагающиеся десять дней, а на одиннадцатый он уже снова бомбил неприятеля».

Если в царской армии из ста раненых погибало от шока и кровопотери 73 человека, то в 1938 г. на Хасане 99 человек из ста поправлялось, а 75 даже возвращалось снова на

«Московский комсомолец» от 7/VIII 1941 г.

фронт. И если в итальянской и других фашистских армиях переливают кровь только офицерам, то для нас дорога и священна жизнь каждого бойца.

Никогда еще кровь не была так нужна для армии, как в эту войну. И никогда зато она и не приливалась таким обильным потоком, как нынче.

С того самого дня, как призыв товарища Сталина к все-сторонней помощи Красной Армии привлек к дверям института толпы народа, поток этот не убывает, а растет. Научный институт буквально за одни сутки преобразился в фабрику крови.

23 июня институт получил первое задание, 24-го он его выполнил с военной четкостью и с тех пор бесперебойно дает тонны крови на фронт. Большая комната с холодильниками—отдел выдачи крови—работает круглые сутки. Его так и называют: «Служба борьбы со смертью». И это подлинный участок фронта в Москве.

Фабрика эта своеобразна и не похожа ни на какую другую. Ее рабочие места—это операционные столы. Они никогда не пустуют, потому что на них по очереди ложится на несколько минут для легкой, безболезненной процедуры все здоровое население Москвы.

Институт полон людьми. Причем предложить донорам плату было бы смертельной обидой. Это ведь и не Италия, где донорам обещают отпущение грехов на том свете. Основной двигатель нашей фабрики крови—это патриотизм всего нашего народа.

Как разнообразны наши доноры! Идут жены командиров целыми общежитиями. Домохозяйки—целыми кварталами. Заводы—цехами. Целым коллективом явилась милиция. Пришли коллективы театров Вахтангова, Малого.

Это не стихия. Исподволь, за четыре года готовил институт через здравотделы донорские кадры для войны. Это сейчас ускорило и упростило работу. Людей не задерживают. Они и так волнуются—боятся, что им откажут, не захотят взять у них кровь.

Вот пришла слепая на оба глаза, старенькая женщина, едва говорит от волнения:

— Я больше ничем не могу помочь родине в борьбе с фашистами—взмите у меня кровь. Я буду чувствовать, что и я чем-то полезна в такую минуту.

Пришел инвалид мировой войны с одной рукой:

— Возьмите у меня кровь. Я знаю, как погибали солдаты в царской армии только потому, что тогда не знали переливания. Французы и англичане уже переливали, а у

нас о солдате никто не думал,—дешевая мы были скотинка, сколько ни бей—хватит.

И просит так настойчиво, так неотступно, что отказать ему—смертельная обида.

Но здесь и отказывают бережно. Вот пришла и плачет пожилая женщина:

— У меня сын в бою, возьмите мою кровь.

Заведующая донорскими кадрами Нусинова, мягкая, черноглазая женщина, взяла ее за плечи и широким жестом обвела комнату, где толпилась цветущая молодежь:

— Взгляните—они покрепче нас с вами, и ведь все они встали в очередь, чтобы дать кровь вашему сыну.

И женщина, улыбаясь сквозь слезы, прошла через строй этих ласковых, ставших ей кровно близкими людей.

Родные, родство—здесь частое слово. На многих флаконах с кровью адрес: «Кровному брату».

И какие пишут теплые сопроводительные записки!

«Дорогой боец, будем счастливы, если наша кровь спасет вам жизнь. Тамара Евдохина. Елена Калмыкова».

Или другая:

«Дорогой товарищ, я с большой радостью отдаю вам свою кровь и желаю, чтобы вы выздоровели. Работница завода «Динамо» Мария Косяк».

Чаще всего записки кончаются пожеланием не только выздороветь, но и вернуться опять на фронт громить врага.

Профессор Бурденко всегда подчеркивал в докладах разницу между профессиональным донором и родственником. Первый спокоен, равнодушен, ему безразлично, на что и кому понадобится его кровь. Второй волнуется, любит, страдает, и в крови его вырабатывается множество дополнительных могущественных веществ. Они так и называются—«симпатины».

У нас нет и не может быть профессиональных доноров. Они все родные тем, кто бьется с фашистскими извергами. Они волнуются, любят, сердцем ощущают их призыв. Каждый из стоящих в этой прекрасной очереди мысленно видит ту картину, о которой рассказывала доктор Логинова: как с лица умирающего сбегают тени смерти, как розовеют губы, блестят снова глаза и человек снова становится в ряды борцов за родину, за счастье человечества.

Так берите же нашу кровь, берите у всех, берите больше, чаще!

Старый донор Кан просил у Нусиновой разрешения дать 600 граммов крови вместо четырехсот, которые он давал

обычно, т. е. не два стакана, а три. Нусинова отказалась. Он ушел и через несколько минут вернулся смущенный:

— Товарищ Нусинова, не сердитесь на врачей, я дал 750 граммов. И скоро я приду опять. Вы же знаете, что я многие десятки раз давал кровь и знаю, как это просто.

Есть люди, как диспетчер Крушинский или медсестра Низяева, которые давали кровь по десять—двенадцать лет, дали до 100 и больше раз, и их цветущему виду можно только позавидовать. Новички смотрят на них с завистью, каждому хочется иметь такой почетный стаж. Молодежь скрывает свои годы, натягивает месяцы до восемнадцати лет. Сердятся: «Нельзя же подходить стандартно, другая и в 20 лет не будет такой здоровой, как я в семнадцать».

Если в крови оказывается мало красных шариков, уверяют, что это временно, пока «защищали диплом», что это все восстановится.

Если у них температура, уверяют, что это от жары, от усталости.

Вот операционная—основной цех этой фабрики. Название как будто пугающее, но на самом деле это операционная только по чистоте, по осторожности и аккуратности, с которой здесь берут кровь.

На пороге вас встречает няничка Зенина. Она дает каждому халат, шапочку, мягкую обувь, а нос и рот закрывает маской.

— Не надышите чего-нибудь в кровь бойцу,—деловито объясняет она.

Няничка старенькая, у нее брат погиб в германскую, муж тоже умер от последствий ранений—«тогда ведь кровь не переливали»—сокрушенно говорит она. О сыне своем—пограничнике—она говорит:

— Если только ранят,—обязательно на ноги поставят—эка ведь сколько крови несут нашим бойцам.

Тем, кто ей особенно понравится, показывает карточку сына с надписью: «Родной маме». И одевая доноров, ласково приговаривает:

— Вот дадите кровь бойцу, покормим вас хорошим обедом и ступайте отдыхать.

А ей на это каждый отвечает:

— Да мы не отдыхать, мы на работу.

В самом деле, ведь они все работают. Они дают стране машины, снаряды, самолеты, обувь, знания. Но каждому этого мало: хочется дать больше, все.

Из операционной выходят улыбаясь: «Как это просто. Ни боли, ни слабости».

Здесь ведь собирались отборные люди, проверенные, здоровые, это их наполняет гордостью.

Особенно гордятся те, у кого первая группа крови. Всего есть четыре группы крови, но четвертую можно переливать только людям той же группы, вторую и третью—людям той же и четвертой групп крови, словом, в этих случаях нужен предварительный анализ. Первую же без вреда для здоровья переливают любому раненому. А ведь на линии огня не до анализов. Вот почему первая группа особо драгоценная.

После взятия крови все взволнованы, всем хочется выскажаться. Чертежница Нейбах с завода «Готовальня» дала 400 кубиков и жалеет, что не взяли больше.

Пашкевич, научный сотрудник лаборатории ядовитых грибков, задумчиво говорит:

— Когда-то я давала кровь моей умирающей дочери. Ее спасти не удалось,—может быть, спасу брата.

Комсомолка Адамюк дала 400 граммов и уверяет, что это никак не отразится на ее нормах.

Иванов, из управления милиции, огорчен, что его сравняли с девушкой и не взяли больше.

— Нас ведь на фронт не берут, говорят: воюйте здесь, а хочется еще что-то сделать.

Нянечка откликается из-за своих халатов:

— То-то ваших столько идет—вчера человек двести прошло или больше, только и кричат мне: одевай подряд милицию.

Портниха Тауфер с фабрики местной промышленности уже 43 года, у нее седые кудри. Взяли у нее 400 граммов, а она так просила взять 500:

— У меня же первая группа и дочь на фронте.

Комсомолка Калугина, токарь с военного завода, не только пришла сама, но и привела целую группу:

— Я готовлюсь в сестры, только до фронта еще когда доберешься, а кровь можно вперед послать.

Комсомолка Мацилецкая с «Динамо» тоже возглавляет группу. Рассказывает:

— Брат письмо прислал с фронта. Сперва он там укрепления строил. Пишет: «Как радостно работать под гул родных орудий. Ощущаешь всем телом, какая мощная техника тебя защищает, какая могучая страна стоит за тобой».

Действительно, ощущая за собой такую страну, опираясь на такой народ, можно сдвигать с места горы. Директор института профессор Багдасаров недаром с полной уверен-

ностью гарантирует любые количества крови для фронта. Профессор Сельцовский может с полным правом говорить о «производственной мощи» их фабрики. Персонал института обретает новые силы для подлинно героической работы.

Среди сотрудников института много награжденных за финский фронт, у них большой опыт. Они не только научились консервировать кровь, но и долго хранить ее, не снижая качества. Они учили все возможности транспорта, так что кровь может выдержать любые перевозки, ее даже сбрасывают с парашютом. Они так усовершенствовали упаковку, что их драгоценному грузу не страшны ни жара, ни холод, ни толчки.

Словом, кровь должна дойти и доходит до бойца такой же полноценной, какой она получена, со всеми теми драгоценными качествами, какими с такой щедростью снабдил ее наш великолепный народ.

Мы не только бережем каждую каплю крови наших бойцов, но и шлем ей непрерывную смену. И сколько ее понадобится, столько ее и будет.

Каждый советский человек—в ряды доноров!

Редактор Ц. Лейтейзен

Подписано в печать 23 августа 1941 г. Объем^{1/8} п. л. А 43563. Зак. 586.
Цена 5 коп.

З-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфнога».
Москва, Краснопролетарская, 16.